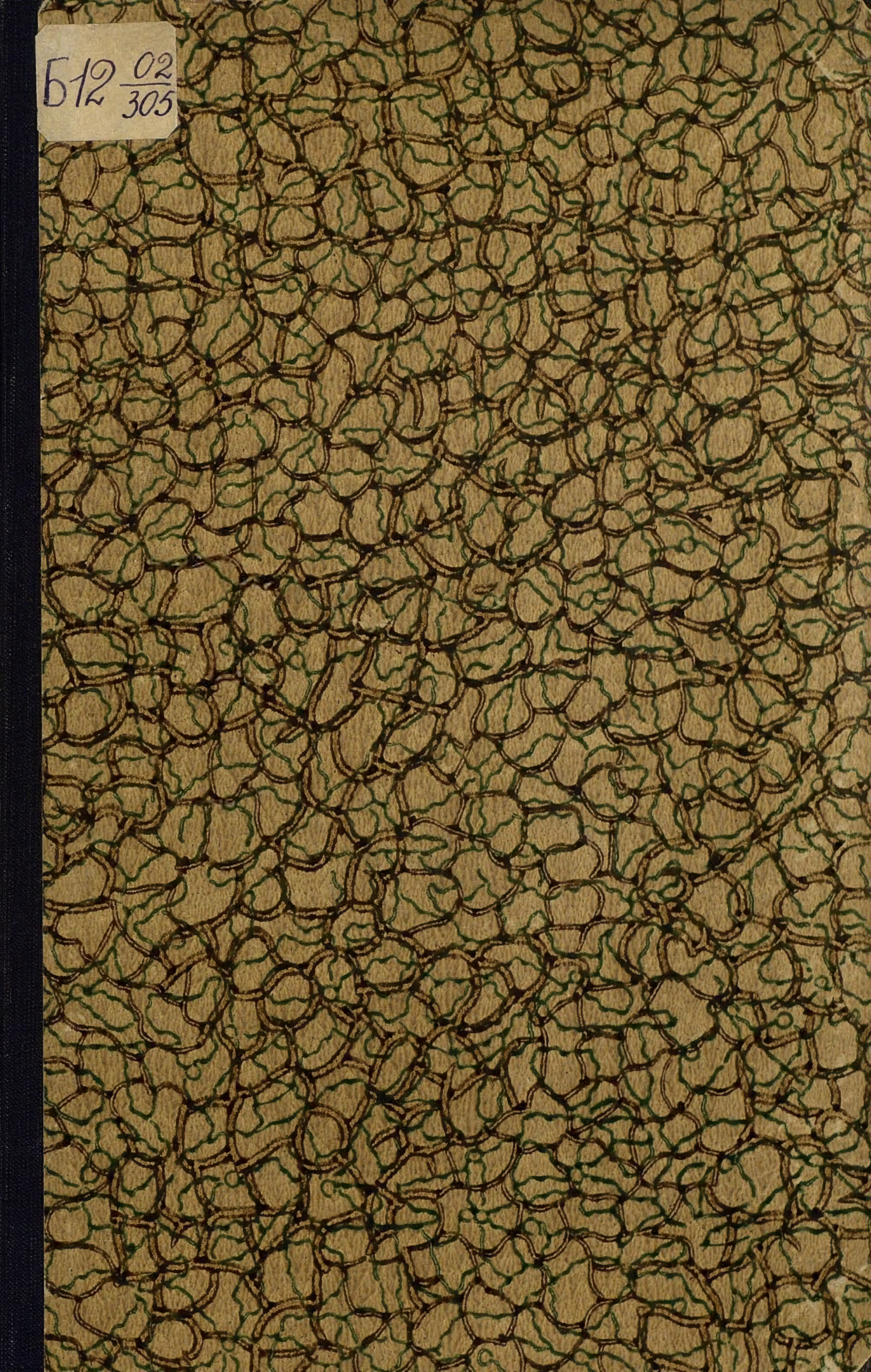
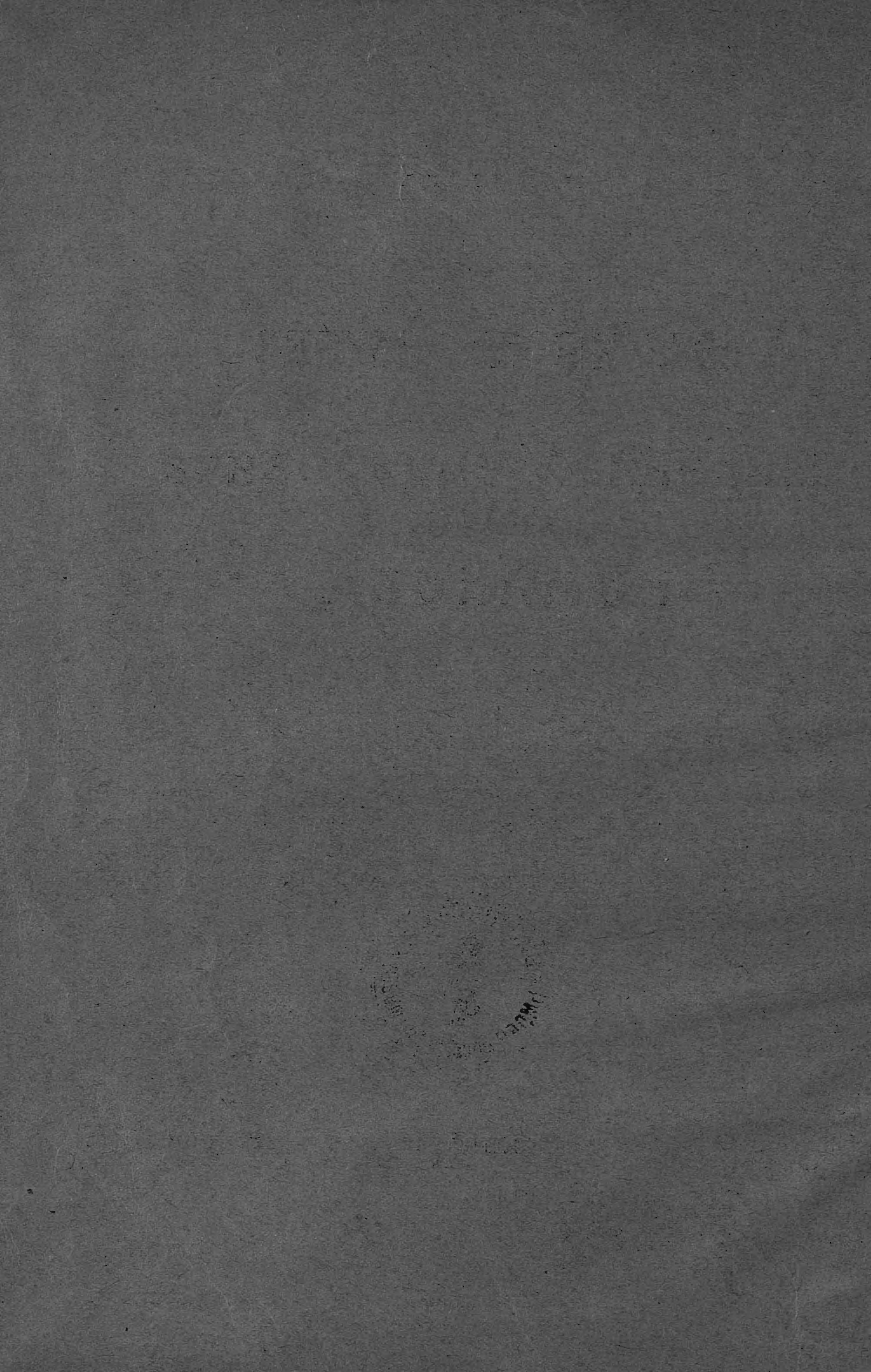

Б12 02/305

Ю. В. Готье.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО Михаила Θеодоровича РОМАНОВА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1913.

Ю. В. Готье.

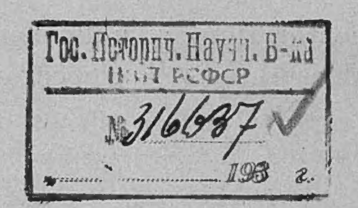
ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
Михаила Θеодоровича
РОМАНОВА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1913.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 24 февраля 1913 г.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова.

Раны, нанесенныя Московскому государству въ великую разруху, еще далеко не зажили въ первые мѣсяцы 1613 года, а борьба съ врагомъ, не оставлявшимъ попытокъ подчинить себѣ всю русскую землю, и съ бѣдствіями, происходившими отъ пустоты царской казны и разоренія страны, оставалась главнымъ предметомъ заботъ Московскаго правительства во всѣ первыя десять лѣтъ царствованія Михаила Θеодоровича. Тѣмъ не менѣе, именно съ его избраніемъ 21 февраля 1613 года справедливо связывается представленіе объ окончаніи смутнаго времени. Страна продолжала болѣть, но въ болѣзни совершился тотъ переломъ, который вмѣсто безнадежнаго будущаго открываетъ возможность грядущаго исцѣленія. Пораженный организмъ получилъ, наконецъ, то лѣкарство, которое, въ его собственномъ сознаніи, должно было избавить его отъ мучившихъ его недуговъ. Этимъ лѣкарствомъ былъ національный глава государства, «прирожденный» царь, избранный земскимъ соборомъ, свободнымъ отъ страха предъ самозванцемъ и предъ иноземнымъ вмѣшательствомъ.

Стремленіе имѣть своего національнаго царя, широко охватившее всѣ слои русскаго общества и проникшее въ сознаніе почти всѣхъ, кто принималъ хоть какое-нибудь участіе въ событіяхъ междуцарствія, появилось не сразу; оно не родилось внезапно въ головѣ вождей освободительнаго земскаго движенія 11-го и 12-го годовъ, но было выстрадано земской мыслью и стало завершеніемъ долгой и сложной эволюціи, черезъ которую прошла идея царской власти съ того времени, какъ угасла старая династія Рюриковичей.

Выработанная въ XV и XVI вѣкахъ идеологія единой твердой царской власти, ведущей свое происхожденіе отъ временъ болѣе древнихъ чѣмъ сама русская земля, уступала, начиная съ 1598 года, мѣсто новымъ представленіямъ о царской власти, зависимой отъ земли, существующей, пока землѣ она будетъ угодна. Подобно тому, какъ само русское общество послѣдовательно вступало въ смуту, начиная отъ верхнихъ его слоевъ и кончая нижними, такъ и новая идея о царской власти, исходя сначала отъ боярства постепенно охватила низы

общества. Сохранилось темное, можетъ-быть, даже навѣянное позднѣйшими событіями извѣстіе, что бояре еще въ 1598 году требовали отъ Бориса, «чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ»[1]. Подкрестная запись царя Василія, которую мы, конечно, не можемъ считать за конституціонную хартію, тѣмъ не менѣе показываетъ, что боярство было на порогѣ осуществленія своей мечты о договорныхъ отношеніяхъ съ царемъ. Обстановка знаменитаго сведенія царя Василія Шуйскаго съ Московскаго престола свидѣтельствуетъ уже о полномъ развалѣ царской власти и царскаго престижа. Новыя идеи, впрочемъ, нашли себѣ яркое выраженіе еще въ первые дни незадачливаго царствованія Василія Ивановича: «хотя бъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если бы его на государствѣ не похотѣли, то ему силою нельзя быти на государствѣ», говорили въ Литвѣ послы Шуйскаго, князь Волконскій и дьякъ Ивановъ[2]: «даже у князя Курбскаго, вѣроятно, встали бы волосы дыбомъ отъ такой политической ереси», замѣтилъ по этому поводу В. О. Ключевскій[3].

Проникая въ низшіе слои общества, представленія о царской власти навѣянныя смутой и безпрестанными смѣнами и сверженіями государей, вырождались въ протестъ противъ всякой власти и въ анархическое ея отрицаніе. Въ особенности это замѣтно въ мѣстностяхъ, ранѣе другихъ затронутыхъ движеніемъ самозванцевъ или войной съ Польшей. Еще въ 1605 году смоленскіе посадскіе люди «ужаснулися и межъ себя, ходя, невѣдомо что шептали», ожидая наступленія новой эры, «какъ придетъ новый царь»[4]. И позднѣе, уже во время осады, на Смоленскомъ посадѣ раздавались непригожія рѣчи, направленныя противъ воеводъ царя Василія, не какъ защитниковъ города, а какъ представителей царской власти, «только деи бояринъ Шеинъ не станетъ держаться одного слова и онъ де отъ нихъ будетъ безъ головы». «Воцарился де Михаила Борисовичъ нынѣ въ Смоленскѣ, такъ же, что Болотниковъ въ Тулѣ, а того не вѣдаетъ, что надъ нимъ въ Смоленскѣ будетъ; коли де не боярское время будетъ, а наше время, и намъ бояринъ ничего не сдѣлаетъ[5])».

Самозванцы, — эта оригинальная черта нашей смуты, не мало способствовали разложенію воззрѣній на царскую власть. Я исключаю, впрочемъ, перваго Лжедмитрія, яркую личность, которая особнякомъ стоитъ среди всѣхъ другихъ ложныхъ царей и царевичей смуты; но наслѣдникъ его, тушинскій воръ, можетъ считаться показателемъ того, какъ низко могли уронить самозванцы престижъ царскаго имени. Лжедмитріемъ II помыкали и русскіе перелеты, и литовско-польскіе авантюристы; всѣ знали, что онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ истиннымъ

---

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. II, т. VIII, 688.

[2] Соловьевъ, Исторія Россіи, II, VIII, 835.

[3] Ключевскій, Боярская дума, изд. 1-е, 374.

[4] Акты Ист. II, № 53; Готье, Памятники обороны Смоленска (Смутное время Моск. Госуд. Мат., изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., вып. 6), № 280.

[5] Памятники обороны Смоленска, №№ 113, 193.

царевичемъ Дмитріемъ, ни съ тѣмъ, кто былъ дѣйствительнымъ русскимъ царемъ въ 1605 и 1606 гг.; всѣ презирали его, но несмотря на это, нуждаясь въ немъ какъ въ орудіи политической борьбы, продолжали фиктивно считать его государемъ, и эта смѣсь наружнаго лицемѣрнаго почтенія съ еле скрываемымъ пренебреженіемъ разрушающе дѣйствовала на послѣдніе остатки уваженія къ царской власти, еще сохранявшіеся въ тѣхъ русскихъ людяхъ, которые волей и неволей примыкали къ Тушину.

Крушеніе старыхъ понятій о Московскомъ царѣ, съ одной стороны, а съ другой, можетъ-быть, желаніе передать кормило государственнаго корабля въ руки лица, чуждаго русскому обществу, лица, которое, довольствуясь отводимой ему опредѣленной и скромной ролью, вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы стать третейскимъ судьей между различными группами взбаламученнаго русскаго общества, привели къ мысли объ избраніи на русскій престолъ царя-иностранца и выдвинули кандидатуру Владислава.

Впервые мысль о Владиславѣ была высказана, по свидѣтельству Жолкѣвскаго, еще въ то время, когда на Московскомъ престолѣ сидѣлъ названный царь Дмитрій. Правя свое тайное посольство отъ имени князей Шуйскихъ и Голицыныхъ и жалуясь Сигизмунду на несоотвѣтствіе поставленнаго изъ Польши царя боярскимъ требованіямъ, посолъ Безобразовъ говорилъ, что бояре думаютъ, какъ бы имъ свергнуть Лжедмитрія, «желая лучше вести дѣло такъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ царствовалъ королевичъ Владиславъ». Не умирала эта мысль въ умахъ московскихъ бояръ и при Шуйскомъ [1]).

Мысль о династическомъ соединеніи сосѣднихъ государствъ-соперниковъ не была новой; еще ранѣе, въ XVI вѣкѣ, періодически возникали проекты объединенія престоловъ Москвы и Рѣчи Посполитой подъ властью одного лица; польскіе государственные люди въ эпоху Баторія со своей стороны носились съ мечтою о подчиненіи всѣхъ русскихъ земель польской коронѣ [2]). Въ 1606 году, послѣ того какъ московскіе бояре въ трогательномъ единеніи съ нѣкоторыми польскими дѣятелями уже успѣли и поставить царемъ и затѣмъ свергнуть Лжедмитрія, старая мысль опять всплыла наверхъ, а четыре года спустя привела даже къ формальному избранію Владислава московскимъ царемъ, поддержанному тушинцами изъ желанія отвязаться отъ надоѣвшаго вора, а московскими боярами, освободившимися отъ Шуйскаго, — изъ опасенія предъ тѣмъ же Калужскимъ царикомъ. Боясь, чтобы не восторжествовали темные элементы, оставшіеся вѣрными вору, держались нареченнаго царя Владислава и другіе слои русскаго общества, до тѣхъ поръ, пока убійство второго Лжедмитрія не освободило Русь отъ этой уродливой

---

[1]) Жолкѣвскій, Записки о Московской войнѣ, изд. Мухановымъ, изд. 2-е, стран. 10, 15.

[2]) Waliszewski, Ivan le Terrible, 401—468; его же Crise révolutionnaire, 320—326.

карикатуры на царскую власть и пока Сигизмундъ своимъ тупымъ упрямствомъ и неудачнымъ выборомъ сотрудниковъ не подорвалъ окончательно шансовъ своего сына.

Кандидатура Владислава — наиболѣе отчетливое выраженіе мысли о царѣ-иностранцѣ, но мысль эта проявлялась также иначе: соперничая съ поляками, Швеція позднѣе, занявши Новгородъ, выдвинула кандидатуру герцога Седерманландскаго Карла-Филиппа; въ 1612 году, когда ополченіе Пожарскаго стояло въ Ярославлѣ, промелькнула мысль объ избраніи на русскій престолъ эрцгерцога Максимиліана Австрійскаго.

Смутное время породило самозванцевъ и заставило Русь искать царя на чужбинѣ, но нужно признать, что тѣ самые люди, которые проводили на престолъ такихъ новоявленныхъ царей, дѣлали все, что могли, чтобы погубить дѣло, которому они, казалось, служили. Шайки тушинцевъ, являясь подъ Москву изъ находившейся въ полной анархіи украйны и разбредаясь по нетронутому до 1607/8 гг. Замосковью и сѣверу, не внушали любви и уваженія къ тушинскому вору, а зарубежные авантюристы въ родѣ Мнишка, съ огромной свитой пріѣхавшаго выдавать дочь замужъ за самозванца, въ родѣ невольнаго эмигранта Лисовскаго или искавшаго рыцарскихъ подвиговъ Усвятскаго старосты Яна Сапѣги, заранѣе подрывали авторитетъ всякаго польскаго кандидата на Московскій престолъ. Но болѣе всего постарались во вредъ царю-поляку русскіе ренегаты, присланные Сигизмундомъ въ Москву добывать престолъ ему самому вмѣсто сына, и польскіе военачальники, распоряжавшіеся въ Москвѣ въ 1610—1612 годахъ.

Трудно себѣ представить правительство худшее, чѣмъ то, которое образовалось въ Москвѣ осенью 1610 года. Это была шайка искателей приключеній и грабителей, съ которыми заодно слѣпо и недальновидно дѣйствовалъ командующій польскимъ гарнизономъ, фактическій диктаторъ Москвы, староста Велижскій Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій. «Какъ гетманъ пошелъ подъ Смоленскъ, то послѣ него Гонсѣвскій сталъ жить на царевѣ Борисовѣ дворѣ, а Михайло Салтыковъ, мимо своего дворишка, на дворѣ Ивана Васильевича Годунова, а Ѳедька Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа, на которомъ никогда никто не стаивалъ и не живалъ. По воротамъ по всѣмъ поставили сторожей своихъ, рѣшетки у улицъ посломали, и московскимъ людямъ никакимъ съ саблею не только при бедрѣ, и плотникамъ съ топорами ходить и ножей при бедрѣ никому носить не велѣли, дровъ мелкихъ на продажу и крестьянамъ привозить не давали и по вечерамъ побивали всякихъ людей, кто идетъ улицею изъ двора во дворъ, къ заутрени не только мірскимъ людямъ и священникамъ ходить не давали» [1]). Такъ описывалъ позднѣе московскіе порядки 1610—12 гг. одинъ изъ членовъ семибоярщины князь И. М. Воротынскій, и, вникая въ его слова, мы ясно видимъ, что польскій гарнизонъ и безсовѣстные русскіе люди

---

[1]) Соловьевъ, II, т. VIII, 1076.

съ бояриномъ М. Г. Салтыковымъ и посадскимъ человѣкомъ Ѳедоромъ Андроновымъ во главѣ смотрѣли на Москву какъ на взятый приступомъ непріятельскій городъ. Салтыковъ, поднявшій ножъ на патріарха Гермогена, который съ момента сверженія Шуйскаго и до своей трагической кончины становится въ глазахъ московскихъ жителей «великимъ столпомъ и твердымъ адамантомъ, крѣпкимъ воиномъ христовымъ», и Андроновъ, «не человѣкъ и невѣдомо кто», по словамъ анонимнаго патріотическаго памфлета 1611 года, извѣстнаго подъ именемъ «Новой повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ», возбуждали, повидимому, наибольшую ненависть [1]), которую они раздѣляли съ Гонсѣвскимъ; а что послѣдній давалъ чувствовать свою власть и пользовался ею не для дѣйствительнаго укрѣпленія своего государя на Московскомъ престолѣ, а только для утоленія аппетитовъ тѣхъ, кто заявлялъ себя сторонникомъ Сигизмунда, въ этомъ убѣждаютъ его помѣты на челобитныхъ этихъ сторонниковъ, изложенныя въ видѣ совѣтовъ боярамъ и въ формѣ письменнаго обращенія къ члену той же шайки Сигизмундовыхъ доброхотовъ, думному дьяку Ивану Грамотину. «Пане Иванъ Тарасьевичъ, доложа бояръ и извѣстивъ мой совѣтъ, пригоже по ихъ приговору дать грамоту жалованную» [2]), и по этому совѣту, котораго никто не смѣлъ ослушаться, раздавалось темнымъ людямъ государственное достояніе.

Помянутая сейчасъ Новая повѣсть — самое яркое и сильное въ своей искренности выраженіе патріотическаго гнѣва и ненависти къ безпринципнымъ русскимъ авантюристамъ и къ «окаянному королю», «общему врагу и супостату» всѣхъ русскихъ людей. Но ея авторъ все еще надѣется на то, что избранный царь Владиславъ пріѣдетъ въ Москву и сдѣлается настоящимъ русскимъ царемъ; вотъ почему повѣсть не отвергаетъ польскаго королевича, хотя она вся проникнута національнымъ русскимъ чувствомъ, вся полна безграничнаго удивленія предъ дѣятельностью духовнаго борца за русское дѣло, патріарха Гермогена, и предъ защитниками осажденнаго королемъ русскаго города, — смоленскими сидѣльцами. Читая повѣсть, чувствуешь, что свое родное, русское, въ противоположность иноземному, было идеаломъ, къ которому были направлены скорбныя думы русскихъ патріотовъ въ разгаръ междуцарствія. Естественно, что въ это именно время народная дума создаетъ себѣ идеальный образъ національнаго царя, который долженъ объединить около себя весь русскій народъ и вновь вывести родную страну на широкій и спокойный путь.

Мысль о національномъ «излюбленномъ» всею землею царѣ мелькнула впервые немножко раньше, когда устойчивая и домовитая сѣверно-русская земщина впервые шла освобождать Москву подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, но герой похода 1609/10 годовъ, первый прообразъ бу-

---

[1]) Новая повѣсть: Р. И. Биб. XIII, 187—218.

[2]) Сухотинъ, Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ (См. Вр. М. Гос. Матеріалы, изд. Имп. Общ. Ист. и Древн., вып. 5).

дущаго національнаго государя, быстро сошелъ съ исторической сцены. Второе ополченіе Ляпунова и третье Пожарскаго и Минина не имѣли готовыхъ кандидатовъ на престолъ, которыхъ можно бы сравнить со Скопинымъ-Шуйскимъ, но общее народное сознаніе и патріотическая работа патріарха Гермогена и Троицко-Сергіева монастыря сдѣлали свое дѣло. Въ перепискѣ земскихъ міровъ постоянно встрѣчаются напоминанія, что по освобожденіи столицы предстоитъ великое дѣло: «на Московское государство выбрати государя всею землею Россійской державы»; говорится уже и о томъ, что «хотятъ выбрать на Московское государство царя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ[1])». Съ приходомъ нижегородскаго ополченія подъ Москву, мысль объ освобожденіи отъ поляковъ столицы съ ея святынями становится тѣсно и неразрывно связанной съ мыслью о прирожденномъ русскомъ царѣ, который долженъ быть избранъ въ очищенной отъ враговъ Москвѣ. Здѣсь въ Москвѣ, вслѣдъ за выполненіемъ первой задачи, уже предъ самымъ созывомъ земскаго собора окончательно была отвергнута идея всякой иностранной кандидатуры въ цари. Это произошло послѣ долгихъ переговоровъ съ послами изъ Новгорода, занятаго шведами. Сначала, опасаясь приближенія къ Москвѣ Сигизмунда, дошедшаго до Волоколамска, не хотѣли отвергать меньшаго изъ двухъ золъ: новгородскимъ посламъ отвѣтили, что одной Москвѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, какимъ было избраніе Шведскаго принца «не обослався и не учиня совѣту и договору съ Казанскимъ и съ Астраханскимъ и съ Сибирскимъ и съ Нижегородскими государствами учинити нельзя»[2]); но когда Сигизмундъ, не дойдя до Москвы, началъ отступать, послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ и по адресу шведовъ: «того у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ взять иноземца на Московское государство, а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылались для того, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, а нынѣ Богъ Московское государство очистилъ и мы ради съ вами за помощіею Божіею биться и итти на очищеніе Новгородскаго государства»[3]). Опубликованныя въ послѣднее время извѣстія, сообщающія, что кандидатура Шведскаго принца даже на самомъ земскомъ соборѣ продолжала имѣть сторонниковъ среди бояръ и провинціальнаго дворянства[4]), не колеблютъ, думается мнѣ, высказаннаго предположенія объ общенародномъ желаніи видѣть на престолѣ русскаго человѣка. Эти извѣстія смотрятъ на шведскую канди-

---

[1]) Примѣры: А. А. Э., II, № 197, 201, А. И., II, № 333.

[2]) Соловьевъ, II, т. VIII, 973.

[3]) Новый лѣтописецъ: Никонов. лѣтоп., изд. 1791 г., VIII, 201, Полное Собраніе Русск. Лѣт., т. 14, 1-я пол., 129.

[4]) Арсеньевскія шведскія бумаги (въ Сборникѣ Новгородскаго Общества любителей древности, вып. V), №№ II—X; мысль объ устойчивости шведской кандидатуры и о значительномъ числѣ сторонниковъ Карла-Филиппа на соборѣ 1613 года очень интересно разработана въ статьѣ шведскаго ученаго Альмквиста: Die Carenwahl des Jahres 1613. Die Schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte (Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, Band., III. Heft 2).

датуру сквозь шведскія очки или же представляютъ собою сообщенія русскихъ людей шведскимъ военнымъ властямъ, распоряжавшимся въ великомъ Новгородѣ; между тѣмъ, мысль о необходимости выбрать царя изъ русскихъ уже была твердо высказана земщиной гораздо ранѣе освобожденія столицы. Это не мѣшало, конечно, нѣкоторымъ дѣятелямъ собора, въ томъ числѣ, можетъ-быть, и самому Пожарскому, до послѣдней минуты сочувственно смотрѣть на возможность воцаренія Карла-Филиппа. Какъ бы то нибыло, когда земскій соборъ приступилъ къ своимъ задачамъ, рѣшеніе избрать царемъ только природнаго русскаго человѣка, должно было быть твердымъ и всеобщимъ: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ грамота Пожарскаго и Трубецкого, посланная въ январѣ 1613 года польскому военачальнику въ Вязьмѣ Павлу Рудкому[1]). Первымъ постановленіемъ собора было «Литовскаго и Свѣйскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, потому что Литовскій король Московское государство разорилъ, а Свѣйскій король великій Новгородъ взялъ обманомъ[2]). Выборъ долженъ былъ состояться изъ Московскихъ родовъ «кого Богъ дастъ».

Переходя къ анализу различныхъ кандидатуръ, слѣдуетъ прежде всего сдѣлать одну оговорку: намъ извѣстенъ только одинъ официальный кандидатъ — Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ; о всѣхъ остальныхъ кандидатахъ мы узнаемъ изъ источниковъ неофиціальнаго и часто очень поздняго происхожденія. Мы знаемъ, что объ избраніи на царство другихъ лицъ, помимо Михаила Ѳеодоровича, говорилось на соборѣ и около него: «не возмогоша вси на единаго согласитися, овіи глаголаху того, иніи же иного и вси разно вѣщаху и всякій хотяше по своей мысли учинити и тако препроводиша не малые дни». Говорится о подкупахъ со стороны вельможъ, желавшихъ «царями быти», но что́ на самомъ дѣлѣ было сдѣлано этими вельможами или ихъ сторонниками для обезпеченія ихъ успѣха, остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ[3]).

Нельзя сказать, чтобы у членовъ собора 1613 года былъ большой выборъ лицъ, которыя могли бы занять русскій престолъ. О членахъ эфемерныхъ династій, занимавшихъ престолъ послѣ смерти царя Ѳеодора Ивановича, говорить не приходится. Шуйскіе, давно потерявшіе свою былую популярность, были всѣ въ плѣну; объ остаткахъ Годуновыхъ, пережившихъ разгромъ 1605 года, никто не говорилъ. Оставляя въ сторонѣ кандидатовъ-иностранцевъ, къ которымъ причислили всѣхъ служилыхъ татарскихъ царевичей[4]), а также маленькаго воренка, сына Марины, и второго Лжедмитрія, котораго пытался было

---

1) Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. CXLII, стран. 307—309.

2) Дворцовые разряды, I, 13; Соловьевъ, II, VII, 1039.

3) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., XVII, стран. 160. (Новый лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго).

4) Маркевичъ, Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1891, № 9, стран. 186—187.

провозгласить царемъ отступившій отъ Москвы Заруцкій, можно думать, что на соборѣ обсуждался или могъ обсуждаться вопросъ объ избраніи въ цари бояръ князя Ив. Мих. Воротынскаго, князя Д. Т. Трубецкого, князя Ѳ. И. Мстиславскаго, стольника князя Д. М. Пожарскаго, боярина князя В. В. Голицына и стольника Михаила Ѳеодоровича Романова. Воротынскій, Трубецкой и Голицынъ были членами боярскаго круга, въ послѣдній разъ попытавшагося въ предшествующіе годы закрѣпить за собою руководящее значеніе въ русской жизни. Трубецкой и Пожарскій выдвинулись какъ освободители Москвы. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ 16-лѣтній юноша, уже успѣвшій перенести не мало испытаній въ свою недолгую жизнь, но лично совершенно непричастный къ смутѣ.

Князья Воротынскіе, едва ли не старшая линія Черниговскихъ Рюриковичей, всегда занимали одно изъ первыхъ мѣстъ среди боярскихъ родовъ XVII столѣтія. Отецъ князя Ивана Михайловича, Михаилъ Ивановичъ, прославился побѣдою надъ татарами при Молодяхъ въ 1572 году, устройствомъ пограничной службы на южной окраинѣ, а потомъ своей опалой и гибелью. Его сынъ былъ уже бояриномъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и испыталъ опалу вмѣстѣ съ Мстиславскими по поводу извѣстной попытки свергнуть Годунова посредствомъ развода Ѳеодора и Ирины. Возвращенный въ Москву послѣ смерти царя Бориса, онъ, однако, перешелъ на сторону Лжедмитрія только послѣ измѣны Голицына и Басманова и выѣхалъ навстрѣчу Самозванцу съ повинной отъ Москвы. Въ заговорѣ, положившемъ конецъ царствованію перваго Самозванца, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Шуйскими и Голицыными; затѣмъ, будучи свойкомъ царю Василію, оставался близкимъ и вѣрнымъ ему во все время его правленія[1]). Въ годы междуцарствія князь И. М. кривилъ душою менѣе другихъ и, будучи членомъ семибоярщины, пытался противодѣйствовать Гонсѣвскому, за что послѣдній долго держалъ его за приставами, т.-е. подъ арестомъ, такъ что за княземъ Воротынскимъ могла сложиться репутація страдальца за правду. Но Воротынскіе, несмотря на свою знатность, никогда не были близкими къ московскому столу, а по происхожденію не были даже потомками великихъ князей, какъ напримѣръ, Шуйскіе. Поэтому, принадлежа къ боярско-княжескому кругу, они всегда уступали въ немъ первенство Мстиславскимъ, Шуйскимъ и даже Голицынымъ. Имя князя И. М. было почтеннымъ именемъ, но за отсутствіемъ традицій, сближавшихъ его родъ съ Московскими царями, это имя не могло собрать особенно много голосовъ, а личныя заслуги князя не были достаточно велики, чтобы, опираясь на нихъ, достигнуть царскаго престола.

---

[1]) Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, изд. 1-е, 283, 287, 299, 310, 321, 335, 447, 455, 458, 472, 474, 483, 562. Извѣстіе о кандидатурѣ Воротынскаго восходитъ къ Страленбергу: Der nordliche und östliche Teil von Europa und Asia, Stokholm, 1730, § 205.

О кандидатурѣ князя Д. Т. Трубецкого мы имѣемъ только смутныя и косвенныя извѣстія, но о ней могли говорить на соборѣ, хотя дѣятельность самого князя въ событіяхъ смуты и положеніе этого тушинскаго боярина, какъ среди московскихъ Гедиминовичей вообще, такъ и въ самомъ родѣ князей Трубецкихъ, не могли обезпечить за нимъ большого числа сторонниковъ[1]).

Князь Ѳ. И. Мстиславскій, бояринъ съ 1577 года, былъ единственнымъ представителемъ рода, первенствовавшаго въ Московскомъ боярствѣ въ теченіе всего XVI вѣка. Мстиславскіе были Гедиминовичи, потомки Явнута, князя Заславскаго; дѣдъ князя Ѳ. И., князь Ѳедоръ Михайловичъ, пріѣхавъ въ Москву, породнился съ Московскими государями, женившись на внучкѣ Ивана III. Князь Ѳ. И. приходился, слѣдовательно, праправнукомъ Ивану III и былъ однимъ изъ немногихъ среди Московскаго боярства потомковъ племени Калиты по женской линіи. Отмѣченныхъ соображеній, казалось, было бы достаточно для того, чтобы его кандидатуру выставить на одно изъ первыхъ мѣстъ; однако, препятствій къ избранію на царство князя Мстиславскаго было много, и препятствія эти были очень значительны.

О родствѣ его со старой Московской династіей мало помнили и едва ли придавали этому обстоятельству большое значеніе. Самъ князь Ѳ. И. былъ не молодъ — ему было, вѣроятно, около 60 лѣтъ; у него не было сыновей, съ нимъ оканчивался его славный родъ, и на продолженіе «царскаго корене» было бы очень мало надежды; къ тому же Мстиславскій имѣлъ издавна репутацію очень мало даровитаго человѣка, а его робость и уступчивость въ качествѣ первенствующаго члена боярской коллегіи въ годы междуцарствія успѣли значительно уронить и безъ того небольшой его личный авторитетъ. Ему, можетъ-быть, не совсѣмъ удобно было даже оставаться въ Москвѣ послѣ сдачи Кремля Пожарскому, и на первыхъ засѣданіяхъ собора ни Мстиславскаго ни его товарищей по боярскому правленію не было. За нимъ послали только послѣ предварительнаго избранія Михаила 7-го февраля. Наконецъ, видимо, и самъ Мстиславскій не считалъ себя кандидатомъ въ цари и не желалъ стать верховнымъ вождемъ земли русской; во всякомъ случаѣ, онъ уже отказался отъ престола въ 1606 году и, кажется, вторично въ 1610 году[2]).

Совершенно другого характера былъ четвертый изъ названныхъ кандидатовъ — Пожарскій; за Мстиславскаго говорило его «отечество»; Пожарскій, хотя и Рюриковичъ, былъ, по мѣстническимъ понятіямъ, худороднымъ человѣкомъ, предки котораго захудали отъ опалъ, обру-

---

[1]) Маркевичъ, Избраніе на царство (Ж. М. Н. П. 1891, № 9, стран. 189): «А. Ѳ. Бычковъ имѣлъ въ рукахъ приписку къ одной рукописи, изъ которой видно, что объ избраніи Трубецкого на соборѣ говорили». Костомаровъ, Смутное время, III, 306, примѣч. I.

[2]) Платоновъ, Очерки, 304, 452; объ отказѣ 1606 года говоритъ Маржеретъ (Сказанія иностранцевъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. Устряловымъ I, 307); объ отказѣ 1610 года косвенное извѣстіе у Жолкѣвскаго, Стран. 70.

шившихся при царѣ Иванѣ на дѣда освободителя Москвы, князя Ѳеодора Ивановича; князь Дмитрій Михайловичъ даже не носилъ думнаго чина, и боярство сказано ему было уже новымъ государемъ. У Мстиславскаго не было никакихъ личныхъ заслугъ; Пожарскій, наоборотъ, могъ опираться только на совершонный имъ совмѣстно съ другими земскими дѣятелями великій подвигъ освобожденія столицы.

О князѣ Дмитріи Михайловичѣ сохранилось много отдѣльныхъ извѣстій, но въ старой Руси рѣдко писали біографіи свѣтскихъ людей и совсѣмъ не умѣли составлять характеристику даже самыхъ яркихъ дѣятелей. Пожарскій не избѣжалъ этой общей участи почти всѣхъ дѣятелей смуты; его обликъ, затушеванный и тусклый, точно смытъ чьей-то рукою, желавшей скрыть отъ насъ истинныя черты освободителя Москвы. Все, что мы о немъ знаемъ, рисуетъ его какъ честнаго, порядочнаго и сравнительно съ его дѣлами скромнаго человѣка; такимъ онъ остался въ народной памяти; такимъ его изобразила и народная пѣсня[1]). Сохранилось указаніе, что самъ онъ какъ-будто склоненъ былъ поддерживать кандидатуру князя В. В. Голицына; это его извѣстныя слова, сказанныя еще лѣтомъ 1612 года въ Ярославлѣ новгородскимъ посламъ игумену Геннадію и князю Оболенскому: «Только бъ нынѣ такой столпъ, кн. В. В. былъ здѣсь, и объ немъ бы всѣ держались, и язъ къ такому великому дѣлу мимо него не принялся»[2]). На ряду съ этимъ есть извѣстія, что до самаго избранія Михаила онъ серіозно склонялся въ пользу герцога Карла-Филиппа[3]). Есть и еще одно извѣстіе, правда, очень позднее и ненадежное, гласящее, будто Пожарскій истратилъ до 20000 рублей,— сумму къ тому времени не малую, чтобы навербовать себѣ сторонниковъ среди членовъ собора. Но это были рѣчи распаленнаго мѣстническимъ гнѣвомъ неважнаго дворянина, сказанныя двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ событій 1613 года, который при этомъ и мѣстничался не съ княземъ Пожарскимъ, такъ что слѣдуетъ, кажется, считать эти рѣчи за простую сплетню, реальнаго основанія не имѣющую[4]).

Бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ дѣйствительно тѣмъ «столпомъ», какимъ его считалъ Пожарскій. Гедиминовичъ подобно Мстиславскому, онъ принадлежалъ къ роду, занявшему высокое мѣсто среди придворной знати еще при Иванѣ III и такъ же, какъ Мстиславскіе, въ свое время породнившемуся съ родомъ князей Московскихъ. Сынъ выѣхавшаго въ Москву князя Патрикея Александровича, Юрій Патрикеевичъ женился въ 1408 году на старшей сестрѣ Василія Темнаго; князь Василій Васильевичъ былъ, такимъ образомъ, по женской линіи прямымъ потом-

---

[1]) В. Миллеръ, Отголоски смутнаго времени въ былинахъ (въ «Очеркахъ народной словесности», II, 274).

[2]) Акты Арх. Эксп. II, № 210.

[3]) H. Almquist, Die Carenwahl des Jahres 1613. (Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, B. III, Heft. 2).

[4]) Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г., № 7, стран. 85. Это, въ сущности единственное болѣе или менѣе современное извѣстіе о кандидатурѣ Пожарскаго.

комъ въ седьмомъ колѣнѣ великаго князя Василія Дмитріевича[1]). Съ начала смуты его имя встрѣчается среди самыхъ видныхъ, но далеко не самыхъ почтенныхъ дѣятелей этого времени. Его измѣна рѣшила участь царя Θеодора Борисовича, вмѣстѣ съ Шуйскимъ онъ свергъ Лжедмитрія, а послѣ, не поладивъ съ прежнимъ единомышленникомъ, дѣятельно старался съ кружкомъ Ляпуновыхъ свести съ престола царя Василія. Видимо энергичный и властный человѣкъ и большой интриганъ, онъ долженъ былъ пользоваться, несмотря на свою темную дѣятельность въ прошломъ и прежнія измѣны, большимъ вліяніемъ среди Московскихъ бояръ, что и было, вѣроятно, причиной, почему умный гетманъ Жолкѣвскій постарался отдѣлаться отъ него и удалить его изъ Москвы. Мы не знаемъ, любили ли Голицына въ Москвѣ, и было ли его имя популярнымъ на соборѣ 1613 года; но, какъ показываетъ отзывъ Пожарскаго, извѣстный авторитетъ знатности и, вѣроятно, силы оно имѣло; однако, и противъ его избранія говорило многое. Прежде всего онъ былъ далеко, въ плѣну, и не было никакой возможности, хотя бы гадательно, опредѣлить время его возвращенія въ Москву. На отсутствующаго можно свалить очень многое, почти столько же, сколько на мертваго, а враговъ у князя В. В. должно было быть не мало, и эти враги, ободренные его отсутствіемъ, едва ли склонны были сидѣть сложа руки; не надо забывать, что князь В. В. Голицынъ принадлежалъ къ кружку бояръ-княжатъ, пребываніе котораго у власти при Шуйскомъ не доставило большой популярности его членамъ. Князь В. В. былъ, кромѣ того, въ лѣтахъ (онъ былъ бояриномъ съ 1591 года) и бездѣтенъ, и такимъ образомъ, относительно его, такъ же какъ и относительно Мстиславскаго, возникалъ трудно разрѣшимый вопросъ о продолженіи царскаго рода.

Остается послѣдній кандидатъ, Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Хотя и не княжескаго происхожденія, родъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, мѣнявшій свои прозванія почти съ каждымъ поколѣніемъ, стоялъ всегда въ первыхъ рядахъ московской знати и, по тогдашнимъ понятіямъ, ни въ чемъ не уступалъ ни Рюриковичамъ ни Гедиминовичамъ. Съ вымершей Московской династіей его соединяло свойство и хотя въ жилахъ Михаила Θеодоровича не было крови прежнихъ Московскихъ царей, однако память о родственныхъ узахъ, соединявшихъ съ Романовыми царей Ивана и Θеодора, была еще жива на Москвѣ. Помнили также и о Никитѣ Романовичѣ, мягкомъ и милосердномъ бояринѣ, смягчившемъ не одну жестокость Грознаго. Современная историческая наука доказала, что царь Борисъ, налагая опалу на братьевъ Никитичей и отправляя ихъ въ ссылку, дѣйствовалъ далеко не случайно и повиновался не одной слѣпой злобѣ. Знатные и богатые двоюродные братья царя Θеодора вели интригу противъ Годунова, и тотъ, болѣе сильный въ этотъ моментъ, чѣмъ они, разгромилъ ихъ. Но опала ихъ была слишкомъ жестока; перенесенныя

---

[1]) Кн. Н. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ, I, 108—114. Извѣстіе о кандидатурѣ Голицына восходитъ къ Страленбергу. Der nördliche und östliche Teil von Europa und Asia, Stokholm, 1730.

страданья, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовали винѣ. Трое изъ пяти братьевъ Романовыхъ погибли въ ссылкѣ менѣе года спустя послѣ катастрофы, младшій Иванъ до конца жизни остался больнымъ, разбитымъ паралпчомъ[1]). Физически уцѣлѣлъ старшій братъ Ѳеодоръ, невольный инокъ старецъ Филаретъ, но его мысли вслухъ въ Сійскомъ монастырѣ, подслушанныя соглядатаями, лучше всего свидѣтельствуютъ о его душевныхъ мукахъ и его отчаяніи: «Милыя мои дѣтки, маленькія бѣдныя остались, кому ихъ кормить и поить. Таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было. А жена моя бѣдная наудачу уже жива ли. Мнѣ ужъ что надобно? Лихо на меня жена и дѣти, какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ. Дай Богъ слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ и язъ бы тому обрадовался, а чаю жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою»[2]).

Малочисленные, разбитые жизнью, вернулись Романовы изъ ссылки, но перенесенныя испытанія и духовный санъ Ѳеодора Никитича возвысили ихъ авторитетъ тѣмъ болѣе, что, по закону психологическаго контраста, все, что ни дѣлалъ царь Борисъ, стало послѣ его смерти и гибели его дома казаться преступленіемъ. На Романовыхъ стали смотрѣть какъ на безвинныхъ жертвъ Годуновскаго произвола. Недавняя и всѣмъ еще памятная связь со старой династіей, принадлежность къ старой московской знати и ореолъ мученичества привлекли къ Романовымъ симпатіи земщины, спасшей страну, и дѣлали ихъ кандидатуру желанной для многихъ представителей земскихъ міровъ и замосковнаго дворянства, засѣдавшихъ на соборѣ. Не даромъ, по сохранившемуся извѣстію, предложеніе объ избраніи Михаила исходило отъ галицкаго дворянина, который «предложи на соборѣ выпись о сродствѣ царевѣ, како благочестивый царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему боярину Ѳеодору Никитичу»[3]). Правда, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ, невольный инокъ, а потомъ, милостью перваго Лжемитрія митрополитъ Ростовскій, не могъ, какъ лицо духовное, занять престола; да къ тому же вмѣстѣ съ Голицынымъ онъ былъ отправленъ посломъ подъ Смоленскъ, а оттуда плѣнникомъ въ Маріенбургъ. Между положеніемъ Филарета и положеніемъ Голицына были и другія черты сходства. Энергичный и властный Филаретъ долженъ былъ имѣть не менѣе враговъ, чѣмъ князь В. В. Голицынъ, и его собственная кандидатура, если бы она могла быть поставлена, встрѣтила бы, вѣроятно, не менѣе противодѣйствія, чѣмъ должна была встрѣчать мысль объ избраніи Голицына. Но у Филарета Никитича было предъ Голицынымъ одно громадное преимущество: у него остался сынъ, наслѣдникъ и продол-

---

[1]) Это обстоятельство и положеніе младшаго въ родѣ и было, конечно, причиной, почему имени И. Н. Романова не встрѣчается въ числѣ кандидатовъ въ цари.

[2]) Акты Ист., II, № 38, XXXIII.

[3]) Хронографъ князя Оболенскаго; выдержка, содержащая извѣстіе о галицкомъ дворянинѣ и донскомъ атаманѣ, приведена у Забѣлина: Мининъ и Пожарскій, 310, рил. XVI.

жатель рода, къ которому и перешли всѣ свѣтскія права отца. И какъ только въ лицѣ Василія Шуйскаго потерпѣла крушеніе попытка вручить царскую власть представителю боярско-княжескаго круга, тотчасъ же, еще въ 1610 году, вѣроятно, усиліями Филарета, выдвигается мысль объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Чтобы помѣшать этому, Жолкѣвскій и удалилъ Филарета изъ Москвы[1].

Но за кандидата изъ дома Романовыхъ, будемъ теперь говорить опредѣленно за Михаила Ѳеодоровича, должны были на соборѣ 1613 года голосовать не одни представители земщины. Его отецъ, разошедшійся съ Шуйскимъ еще въ первые дни царствованія послѣдняго, былъ привезенъ въ Тушино плѣнникомъ, но скоро сталъ тамъ своимъ и притомъ большимъ человѣкомъ. Его близость къ Тушину, подтверждаемая тѣмъ, что не одинъ изъ тушинскихъ дѣльцовъ былъ позднѣе его сотрудникомъ по управленію государствомъ[2], заставила наиболѣе умѣренныхъ изъ бывшихъ тушинцевъ, не сочувствовавшихъ кандидатурѣ ворепка, поддерживать именно сына нареченнаго Тушинскаго патріарха.

Вотъ почему въ избраніи на царство новаго царя могли имѣть такое большое значеніе казаки. Зимою 1612 — 16 гг. они составляли большинство вооруженныхъ силъ Москвы; объ этомъ съ полнымъ единодушіемъ свидѣтельствуютъ безпартійные и безхитростные современники, русскіе люди, попадавшіе въ плѣнъ къ полякамъ и шведамъ. Казаки «примѣривали Филаретова сына», потому что самъ Филаретъ былъ для нихъ лицомъ хорошо знакомымъ[3]). И донской атаманъ, предложившій 7 февраля 1613 года избрать «природнаго государя Михаила Ѳеодоровича», и галицкій дворянинъ, предложившій тоже самое, противоположные другъ другу во всемъ, сходились на одномъ кандидатѣ на царство, потому что кандидатъ этотъ былъ одинаково близокъ и земщинѣ и казакамъ, дѣйствовавшимъ ранѣе въ Тушинѣ.

Для большихъ Московскихъ бояръ М. Ѳ. Романовъ долженъ былъ быть также едва ли не наиболѣе пріемлемымъ кандидатомъ. Хотя бояре и плохо вели дѣла Московскаго государства, хотя нѣкоторые изъ нихъ даже не участвовали на первыхъ засѣданіяхъ собора, но они все еще считали себя силой и не теряли надежды сохранить за собою и при новомъ царѣ то положеніе, которое имъ гарантировала крестоцѣловальная запись Василія Шуйскаго и договоръ 27 августа 1610 года съ Жолкѣвскимъ. Для этого имъ удобнѣе всего былъ царь безъ личнаго авторитета, молодой и неопытный, т.-е. такой, какимъ и былъ въ дѣйствительности М. Ѳ. Романовъ. Доселѣ остающееся апокрифическимъ письмо боярина Ѳ. И. Шереметева

---

[1]) Соловьевъ, II, т. III, 928, 983; Маркевичъ, Избраніе на царство (Ж. М. Н. П., 1891 г.; № 9; стран. 187, 192).

[2]) Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.

[3]) Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ, 9 Hirschberg, Polska a Moskwa, 361—364 (показанія сына боярскаго Ив. Философова, взятаго въ плѣнъ поляками), Шведскія Арсеньевскія бумаги (Сборникъ Нов. общ. любит. древн., вып. V), № V и VII (показанія купцовъ и дворянина).

къ находившемуся въ плѣну князю В. В. Голицыну, если оно, дѣйствительно, было написано, свидѣтельствуетъ о томъ живомъ участіи въ избраніи царя, какое Московскіе бояре принимали за кулисами собора. А знаменитая фраза изъ этого письма: «выберемъ Мишу Романова: онъ и молодъ разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ повàденъ»[1]), если не была сказана на самомъ дѣлѣ, то могла быть сказана, потому что смыслъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ интересамъ боярскаго круга. Молодой, шестнадцати-лѣтній царь не могъ стать опытнымъ и энергичнымъ правителемъ, а его властный отецъ могъ и не вернуться изъ плѣна, какъ дѣйствительно не вернулся изъ плѣна князь В. В. Голицынъ.

Я говорилъ сейчасъ о боярахъ вообще; но бояре, бывшіе въ Москвѣ на соборѣ 1613 года или пріѣхавшіе въ нее послѣ 7-го февраля, не были единымъ и цѣльнымъ слоемъ; хорошо извѣстно, что они распадались на отдѣльные кружки, слѣдовавшіе различнымъ традиціямъ, сталкивавшіеся между собою и одинъ другому враждебные. Однако, въ отношеніи М. Ѳ. Романова нѣкоторые члены самыхъ противоположныхъ кружковъ объединялись тѣснымъ и близкимъ родствомъ съ нимъ; если мы возьмемъ однихъ только «седьмочисленныхъ» бояръ, то увидимъ, что четверо изъ нихъ были его близкими родственниками: И. Н. Романовъ былъ его родной дядя; князь Б. М. Лыковъ, женатый на Анастасіи Никитичнѣ Романовой, былъ также его дядей; бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, только что женившійся или собиравшійся жениться на княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской, двоюродной сестрѣ Михаила Ѳеодоровича, въ свою очередь вступалъ съ нимъ въ родство. Наконецъ, самъ первенствующій членъ боярской коллегіи, князь Ѳ. И. Мстиславскій, приходился двоюроднымъ братомъ Ѳеодору Никитичу, и слѣдовательно, двоюроднымъ дядей будущему царю. Не будемъ придавать слишкомъ большого значенія родственнымъ связямъ М. Ѳ. Романова, но ихъ все-таки нельзя не принять въ соображеніе, когда выясняешь возможное отношеніе всѣхъ помянутыхъ сейчасъ людей къ кандидатурѣ ихъ юнаго родственника на царскій престолъ. Настойчивыя извѣстія объ энергической дѣятельности боярина Ѳ. И. Шереметева въ пользу избранія Михаила могутъ подтвердить мысль о томъ, что поддержка вліятельной родни сдѣлала свое дѣло на соборѣ 1613 года[2]).

---

[1]) А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, кн. 2-я, стран. 311, примѣч. 415; Маркевичъ, тамъ же, стран. 203.

[2]) Въ самое послѣднее время проф. Д. В. Цвѣтаевымъ высказана была интересная мысль о томъ, что на популярность семьи Романовыхъ должно было оказать вліяніе положеніе ихъ какъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ были разсыпаны по всему московскому государству (Цвѣтаевъ, Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, стран. 66). Наличность большихъ Романовскихъ имѣній во многихъ мѣстностяхъ страны подтверждается работой М. Я. Кожевникова (Земельныя владѣнія дома Романовыхъ въ XVI и XVII вѣкѣ. С.-Пб. 1913 г.). Однако, для того, чтобы мысль проф. Цвѣтаева сдѣлалась безспорнымъ достояніемъ науки, слѣдуетъ выяснить, насколько популярность и значеніе извѣстнаго лица среди населенія какой-нибудь мѣстности могли вытекать изъ того только, что оно владѣло въ этой мѣстности большими вотчинами.

Взвѣшивая положеніе дѣлъ на земскомъ соборѣ 1613 года, мы должны прійти къ заключенію, что на царство долженъ былъ быть избранъ именно Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, потому что къ этому клонились дѣйствія разнообразныхъ параллельныхъ одна другой силъ и потому что изъ всѣхъ возможныхъ кандидатовъ онъ былъ, по положенію своей семьи среди московской знати и среди русскаго общества, по дѣятельности его отца въ смуту и по своимъ личнымъ свойствамъ, самымъ пріемлемымъ и самымъ желаннымъ царемъ. Актъ 21 февраля 1613 года былъ, слѣдовательно, не случайностью, а долженъ былъ произойти потому, что соотвѣтствовалъ интересамъ наибольшаго числа членовъ собора, какъ представителей земли, и правительственныхъ дѣльцовъ столицы.

То, что намъ кажется теперь яснымъ и простымъ, далеко не было таковымъ для самыхъ участниковъ событій 1613 года. Надо было выяснить кандидатуры, надо было разобраться въ возможныхъ претендентахъ, взвѣсить преимущества каждаго изъ нихъ. Не надо забывать, что при этомъ шла борьба, велись закулисныя интриги, при которыхъ далеко не сразу можно было опредѣлить, кто изъ предлагаемыхъ къ избранію дѣйствительно являлся самымъ желательнымъ и подходящимъ. Надо помнить также, что соборъ стремился дѣйствовать въ единеніи со всей землей, для чего послѣ 7-го февраля были посланы на мѣста запросы о томъ, насколько популярно имя М. Θ. Романова и насколько пріемлемо его избраніе.

Михаила «примѣривали» въ цари еще въ ноябрѣ 1612 года[1]). Засѣданія собора начались въ послѣдніе дни декабря. Въ первыя недѣли продолжали «примѣривать» и его и другихъ лицъ, пока, наконецъ, не остановились на одномъ Михаилѣ, который и былъ офиціально выставленъ 7-го февраля, какъ единственный кандидатъ на Московскій престолъ.

Мы мало знаемъ подробности работы земскаго собора, но можно съ увѣренностью сказать, что шесть недѣль, протекшихъ отъ начала собора до 7-го февраля, не были слишкомъ большимъ срокомъ. Избраніе царя было слишкомъ серіознымъ дѣломъ, и приходится удивляться не тому, что соборъ потратилъ полтора мѣсяца на предварительную работу, а тому, что онъ такъ удачно разобрался въ кандидатахъ и остановилъ свой выборъ на томъ, кто болѣе другихъ соотвѣтствовалъ и требованіямъ момента и интересамъ живыхъ лицъ и тѣмъ традиціямъ стараго Московскаго царства, которыя хотѣли вновь воскресить послѣ разрухи.

Какъ мы не знаемъ подробностей работы самого земскаго собора, такъ мы не знаемъ и всѣхъ тѣхъ переговоровъ, которые велись за кулисами политической сцены и въ это время и позднѣе до торжественнаго вступленія царя въ Москву, совершившагося 2-го мая и, наконецъ, въ періодъ между въѣздомъ въ столицу и вѣнчаніемъ на царство 11-го іюля. Можно сказать одно: бояре не могли забыть ни записи Василія Шуйскаго, ни договоровъ 4 февраля и 27 августа 1610 года; многимъ изъ нихъ могла совершенно естественно прійти мысль, что и новаго царя хорошо бы было связать обя-

---

[1]) Hirschberg, Polska a Moskwa, 363.

зательствомъ такъ же, какъ связывали Шуйскаго и Владислава. Объ этомъ должны были говорить; этотъ вопросъ должны были много и горячо обсуждать; а молва и память о закулисныхъ разговорахъ, можетъ-быть, даже о какомъ-нибудь обѣщаніи, негласно данномъ Михаиломъ, должна была, думается мнѣ, сдѣлаться источникомъ тѣхъ смутныхъ и, большей частью, позднихъ извѣстій объ ограниченіи власти избраннаго царя, которыхъ нельзя подтвердить ни однимъ сколько-нибудь надежнымъ свидѣтельствомъ и которыя, можно сказать навѣрно, никогда не вылились въ форму государственнаго акта. Политическіе обычаи, установившіеся въ смуту, указываютъ, что только среди бояръ могла созрѣть мысль и новаго царя связать договоромъ; второстепенные дѣльцы и приказныя силы только тянулись вслѣдъ за боярами. Но боярство въ 1613 году уже проиграло всѣ свои ставки. Психологическій моментъ былъ таковъ, что всякое начинаніе боярства могло встрѣтить только несочувствіе или даже противодѣйствіе остальныхъ слоевъ общества. Политическія конъюнктуры, слагавшіяся не въ пользу боярства, не измѣнились и въ первые мѣсяцы пребыванія новаго царя въ Москвѣ, когда часть членовъ собора изъ провинціи уже, вѣроятно, разъѣхались. Во всякомъ случаѣ, пока въ нашемъ распоряженіи не будетъ новыхъ болѣе надежныхъ извѣстій о фактѣ ограниченія избраннаго царя Михаила и точныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ именно состояло ограниченіе его власти, это событіе слѣдуетъ разсматривать, какъ одинъ изъ потерянныхъ фактовъ нашей исторіи.

Ю. Готье.

